

Морис ДРЮОН: *Встреча в Москве — 2004 — 15 окт. — с. 8* Понять Россию

ИЗВЕСТНЫЙ ПИСАТЕЛЬ, ЧЛЕН ФРАНЦУЗСКОЙ АКАДЕМИИ О КРИТИКЕ ВЛАДИМИРА ПУТИНА

Мне хотелось бы понять, каковы реальные или вымышленные основы, на каких серьезных или специфических умозаключениях, на каких очевидных истинах или предвзятых представлениях, которое обычно наша пресса дает нам о положении в России.

То, что случаются потрясения и происходят трагедии, — это очевидность. Но почему каждый раз слышатся упреки в адрес русского президента и почти автоматически критикуются меры, которые он предпринимает, чтобы воспрепятствовать злоупотреблениям и противостоять драмам?

Уже четыре с половиной года Владимир Путин пытается вытащить страну из экономического и морального хаоса, в который ее погрузили провал коллективизма, крах тоталитарного режима и распад Советского Союза. И ему отчасти это удалось. Повысились общий уровень жизни и производительность. Нищета отступила. Расширяется международная торговля. Население России утратило ту серость, которую имело в прошлом. Вдохнув по-новому, оно словно помолодело и похорошело.

Это не значит, что все так замечательно, не будем простаками. Восхождение будет долгим, и у Сизифа не один тяжелый камень — их много.

Путин ополчился на олигархов, которые в условиях постсоветской анархии сомнительными путями завладели государственной собственностью и сколотили неслыханные состояния и, кроме того, хотели использовать ее как политический рычаг для собственной выгоды. Российское общественное мнение выразило удовлетворение по этому поводу. Оно не испытывает благодарности к этим мародерам.

А как же наша пресса, что говорит она?

Что процесс, начавшийся в отношении одного из олигархов,

— это откат от либерализма и чуть ли не поправление прав человека, хотя в то же самое время во Франции все наши левые и даже центристы гнушаются либерализмом, поносят его как социальное зло, а на руководителей наших предприятий, если установлен малейший просчет в их руководстве или хотя бы имеются какие-то подозрения, тут же набрасываются следователи. Мне хотелось бы это понять.

Наша пресса, и именно она, ежедневно сообщает нам, что свобода слова в России в опасности. На чем основывает она свои высказывания? На цитатах из московских ежедневных и периодических изданий, которые открыто критикуют принимаемые меры и решения. Вот и тут мне хотелось бы кое-что понять. Вполне вероятно, что российским СМИ, прямо или косвенно связанным с правительством, даются инструкции, может быть — неуклюжие, может быть — не-

молотов. И наконец, тысяча детей и взрослых трое суток были заперты в школе в Осетии без воды и пищи, и несколько сотен из них в конце концов погибли в результате взрывов или под пулями. Все это совершили одни и те же фанатики. В летописи кошмара это истребление школьников, этот кавказский Орадур сохранится как самый свирепый, самый разрушительный для человечества.

Как весь мир не встанет в едином порыве против кровавого безумия, которое и есть вдохновитель этих преступлений, у которого к тому же хватает цинизма подсчитывать, в какую сумму в долларах оно обойдется России, и заявлять о том, что действует от имени Аллаха, имя которого оно позовет?

Ну что ж, довольствуемся отчетами о заявлениях чудовищного Шамиля Басаева и осуждаем Владимира Путина, потому что он решил, что отныне главы

«Оставим без комментариев заблуждение, будто наш тип демократии единственно достойный и он должен применяться, точнее, насаждаться повсюду. Я даже предположу, что сейчас Россия гораздо меньше одержима марксизмом, чем наши левые партии и наши профсоюзы».

Морис ДРЮОН

областей будут назначаться правительством, а это значительно ослабит демократию. Давайте же соберемся с мыслями! Разве префекты регионов в нашей любимой Франции избираются всеобщим голосованием, а не назначаются главой государства?

В самом деле, я надеюсь понять, чему соответствуют эти иллогизмы наших информаторов и искажение ими перспективы. Во французской и вообще

западной прессе наблюдается что-то вроде умственного ревматизма, когда речь заходит о России. Мы не избавились от того дремлющего в нас страха, который внушала советская империя. И мы не отдаем себе отчета в том, что похожи на поляков и другие народы Восточной Европы, почти полвека прожившие под ее властью. Чуть только в Москве почувствуется немного строгости, кое-кому тут же видится тень Сталина. Скорее, надо бояться того, что, если власть там не проявит себя хоть немного решительнее, русские в конце концов скажут: «При Сталине не было покушений, да и чеченцы были высланы».

Дело в том, что проблема Чечни возникла не вчера, и не Путин ее создал. Она существует уже двести двадцать лет, с тех пор как Россия вздумала защитить свои южные границы. Она то затухала, то возникала вновь, были и военные репрессии. Пламя вспыхнуло вновь, с еще большей, чем когда-либо, силой, подстегиваемое доступом ко всемирной информации и сумевшее связать самую современную технику разрушения с древнейшим исламским фанатизмом. Пламя уже лижет и соседние территории. Задумывается ли кто-то о том, что случит-

Морис Дрюон лично знаком с Владимиром Путиным

ся и с каким вселенским раздражением мы столкнемся, если оно распространится на все мусульманские республики Азии? В таких ситуациях нужна помощь, а не советы.

Причина нашего ментального ревматизма в забывчивости. При упоминании имени Путина принято добавлять: бывший полковник КГБ. Почему никогда не говорят: бывший заместитель мэра Санкт-Петербурга? Охотно ли забывают, что Анатолий Собчак, благородный и обладавший способностью предвидения политик, который во многом способствовал переходу от одного строя к другому, выбрал именно этого офицера, верующего и патриота, себе в заместители?

Так давайте посмотрим прямо, а не согласно заготовленным идеям. Демократия не одинакова во Франции и Швейцарии, тем более она не может быть такой же в огромной стране с суровым климатом, населенной «атавистически» разными народами и никогда, вплоть до последнего десятилетия, не знавшей политической свободы.

Оставим без комментариев заблуждение, в котором мы упрекаем американцев, будто наш тип демократии единственно

достойный, и он должен применяться, точнее, насаждаться повсюду. Я даже предположу, что сейчас Россия гораздо меньше одержима марксизмом, чем наши левые партии и наши профсоюзы. Но по природе вещей она обязана быть авторитарной демократией.

У нас имеется пагубная тенденция смешивать понятия власти и деспотизма. «Власть есть долг», — писал Святой Бернард. Любому общественному образованию необходимо быть объектом совершенствования, оно оказывается в беде, если оно размягчается. Вместо того чтобы осуждать, заглянем лучше в будущее и поможем России чем можем победить терроризм, который добивается до всех нас по очереди.

Поможем ей быть сильной. Европе гораздо больше нужна ее безопасность и ее процветание и в свое время объединение Европейского союза и России, чем интеграция Турции, которая широкими шагами идет назад к исламу. Научимся видеть, где настоящая опасность, научимся также видеть, в чем состоят высшие интересы.